

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. АНГЕЛОВ. БОГОМИЛЬСТВО В БОЛГАРИИ

Перевод с болгарского Н. Н. Соколова.

Редакция и предисловие З. В. Удальцовой.

Издательство иностранной литературы. Москва, 1954

Связь, установившаяся у нас с учеными стран народной демократии, с каждым годом становится все более живой и плодотворной. Выражением этой крепнущей связи служит, в частности, выход в русском переводе значительного количества трудов, принадлежащих перу историков указанных стран. Среди этих трудов одно из первых мест занимают произведения болгарских ученых. Перевод на русский язык книг Жака Натана и Димитра Косева показывает, что советский читатель с большим интересом относится к достижениям ученых демократической Болгарии в области изучения ими истории своей страны.

Нельзя не приветствовать и появления книги Димитра Ангелова, посвященной одному из самых интересных и спорных вопросов истории средневековой Болгарии — движению богомилов.

Известно, какую революционную роль играли еретические движения в средние века, когда „все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси“¹. Не случайно поэтому история богомильского движения занимает такое большое место в историографии как буржуазной, так и демократической Болгарии, хотя и рассматривается там и здесь с разных позиций.

Изучению богомильского движения видным болгарским ученым Димитром Ангеловым предшествовали его долголетние исследования экономики и аграрных отношений Византии и Болгарии в XI—XIV вв., о чем свидетельствуют такие фундаментальные труды, как „История болгарского государства и права“, „История Византии“², а также ряд статей и частных исследований, опубликованных в журнале „Исторически преглед“. Д. Ангелов, обширная и плодотворная деятельность которого развернулась уже в период народно-демократической республики, с пристальным вниманием исследует особенности византийского и болгарского феодализма³ и проблемы византийско-болгарских взаимоотношений⁴. В тесной связи с этим общим направлением работы Д. Ангелова стоит

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 34.

² Д. Ангелов. История на Византия, ч. I. София, 1950; ч. II. София, 1948; Д. Ангелов. История на България държава и право. София, 1951.

³ Д. Ангелов. Феодализъмът в Византия. ИП, кн. 2, 1946—1947, стр. 217—232; Д. Ангелов. Към въпроса за поземелните отношения в средновековната балканска държава. ИП, кн. 4, 1945, стр. 285—299.

⁴ Д. Ангелов. Византийски влияния върху средновековна България. ИП, кн. 4—5. 1947—1948, стр. 401—416; кн. 5, 1949, стр. 587—601.

и изучение им ереси богомилов как неизбежной при становлении феодализма народной оппозиции. В списке трудов Д. Ангелова исследования по истории богомильского движения занимают значительное место¹.

Предлагаемая русскому читателю книга „Богомильство в Болгарии“ вышла в Софии первым изданием еще в 1947 г.

Большим достоинством русского издания книги Д. Ангелова является включение в нее отдельной статьи того же автора о философских взглядах богомилов.

Нельзя не отметить высокое качество перевода, сделанного Н. Н. Соловьевым. Книга читается легко, и даже взыскательный стилист не обнаружит в ней шероховатостей, присущих некоторым переводам научных работ. Несколько опечаток, чаще в греческих терминах (стр. 83, 106, 121)—единственная небрежность, которую можно отметить в этой хорошо изданной книге.

Работа Д. Ангелова охватывает широкий круг проблем, связанных с богомильством в Болгарии. Он рассматривает и вопрос о происхождении богомильства (глава II), и вопрос о сущности учения богомилов (глава III), и вопрос об организации богомильских общин и братств (глава IV), и историю богомильского движения в Болгарии (глава VI).

Во „Введении“ дается краткая характеристика работ болгарских ученых о богомильстве. Следует, однако, высказать сожаление, что эта характеристика не развернута в научную историографию вопроса.

Чрезмерной сжатостью страдает и глава I „Источники по богомильству“. Автор делит имеющиеся источники на анти- и пробогомилские и дает свою оценку важнейших из них. Однако из-за краткости изложения его мнение не всегда представляется достаточно обоснованным. Особенно остро это ощущается в тех случаях, когда Ангелов приводит источники, которые до него никем не использовались (например, „Болгарская апокрифическая летопись“). Для изучения болгарского богомильства Д. Ангелов привлекает ряд сочинений богомилов западного происхождения (например, сочинения Райнера Сакони, Петра Валлия, „Книгу св. Иоанна“ и т. д.), содержащих сведения об альбигойцах, катарах и патаренах, которых он по традиции отождествляет с богомилами². Как справедливо отмечает в своем предисловии З. В. Удальцова, это были родственные явления, порожденные сходными социально-экономическими условиями, но каждое из них имело еще и ряд специфических особенностей. Сказанное означает не возражение против использования западных источников о богомилах вообще, а необходимость очень осторожного привлечения их при весьма критическом отношении к содержащимся в них данным. Иначе у читателя создается впечатление, что все то, что говорится, например, в „Катарском требнике“, имеет самое прямое отношение к богомильскому учению. Отсутствуют источниковедческие замечания и в последующих главах (только на стр. 45 есть несколько слов о Козьме пресвитере), хотя вся работа основана на первоисточниках³.

¹ Д. Ангелов. Влияние на чужди ереси върху богомильство. „Известия на семинарите в историко-филологическият факултет на университет“, 1. София, 1942, стр. 145—180; Д. Ангелов. Апокрифната книжина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатирната класа в средновековна България. ИП, кн. 4—5, 1950, стр. 493—508; Д. Ангелов. Презвитер Козма и беседата му против богомилите. София, 1947; Д. Ангелов. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. „Годишник на Софийския университет“, т. 44, кн. 2, 1948, стр. 1—72; т. 46, кн. 2, 1949—1950, стр. 1—57.

² Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, М., 1954, стр. 36, 37.

³ Только в одном случае (на стр. 112) Д. Ангелов цитирует письма Феофилакта Охридского не по изданию Миня, а по II тому „Истории Болгарии“ В. Н. Златарского.

В главе „Происхождение богомилства“ автор исходит из правильного положения о зависимости надстроечных явлений от экономического базиса: „Как и всякое значительное общественное и идейное течение, богомилство было тесно связано с современной ему действительностью. Оно возникло в результате взаимодействия ряда факторов, определяемых экономической, политической и духовной жизнью общества того времени“¹. Д. Ангелов дает характеристику внешнеполитической обстановки и внутреннего социально-экономического положения в Болгарии в период зарождения богомилского движения (X в.)². Он останавливается на классовой структуре болгарского общества и на положении отдельных классов населения. На основе данных „Беседы пресвитера Козьмы“ Д. Ангелов говорит о привилегиях бояр и духовенства, о бедствиях народных масс, на положении которых особенно тяжело отразились голод, засуха и военное разорение в царствование Петра. К сожалению, как изложение взглядов автора на становление феодализма в Болгарии, так и социально-экономическая характеристика отдельных периодов в истории богомилства (гл. II, VI) отличаются излишней краткостью. Как правильно указывается в предисловии, Ангеловым „не показана экономическая сущность процесса разложения сельской общины, не прослежен процесс роста феодальной собственности и закрепощения крестьянства“³.

Д. Ангелов, отказавшись от подробного исследования проблемы генезиса феодализма и сосредоточив все внимание на изучении самого богомилского движения, не смог избежать известной односторонности в изложении вопроса о происхождении богомилства. Характеризуя в главе VI идеологические причины возникновения богомилского учения, он высказывает мнение, что христианство будто бы не привилось в Болгарии, что „языческий образ мыслей“ народа был неискореним, и поэтому болгары, не знавшие ранее особого жреческого сословия, отрицательно отнеслись к духовенству и его привилегиям и особенно чувствительны были к его моральным недостаткам. „Они не желали признавать за духовенством право совершать религиозные обряды и потому менее всего были склонны одобрять внешнюю сторону христианского богослужения и социальные привилегии духовенства“⁴.

Трудно согласиться, однако, с этим утверждением Д. Ангелова. Если бы для болгар действительно было неприемлемо христианство, то они выступали бы против него с позиций язычества. А между тем все учение богомилов исходит из положений Нового и Ветхого Заветов. Если они и вносят в эти положения что-то новое, то последнее имеет апокрифический, а не языческий характер. Затем, если в образовании богомилской доктрины большую роль играли языческие настроения болгар, довольно поздно принявших крещение, то как же следует объяснить распространение родственной богомилам ереси катаров в Италии, где христианство утвердилось несколькими столетиями раньше?

Не подлежит сомнению, что на богомилскую догматику оказало сильное влияние учение павликиан, манихеев и мессалиан. Об этом говорят все источники. Но лучше было бы, нам думается, рассматривать этот вопрос в главе об идеологии богомилов. Тогда не создавалось бы впечатление, что в возникновении богомилской ереси учение указанных сект играло такую же роль, как и факторы социально-экономического

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, стр. 41.

² Там же, стр. 41—43, 166.

³ Там же, стр. 17. Предисловие.

⁴ Там же, стр. 48.

порядка. Этот вопрос об идеологии богомилов правильно трактуется Д. Ангеловым в статье „Философские взгляды богомилов“ (стр. 173), где автор отделяет общественно-экономические условия, породившие богомильскую оппозицию, от еретических учений, способствовавших оформлению и систематизации богомильского учения. Следует попутно отметить, что сделанный здесь *ad hoc* очерк павликианства при всей своей краткости дает ясное представление об истории и учении этой секты.

Глава IV посвящена вопросу об организационных формах богомильского движения. Большое внимание, уделяемое Д. Ангеловым этому вопросу, объясняется тем, что он рассматривает богомильскую ересь не как пассивное, мистическое учение, а как боевую народную оппозицию, борющуюся за свою позитивную программу. Но основная трудность автора исследования — скудость источников. Большинство фактических сведений по этому вопросу относятся к более позднему времени. Можно, однако, допустить, что организационные формы не претерпели серьезных изменений в течение столетий и что сведения XI—XII вв. сохраняют значение для всего периода существования этой ереси.

Несколько богомильских братств составляли общину. Ангелов устанавливает, что центры этих общин находились в крупных городах: Константинополе, Софии, Тырнове, Фессалонике. Во главе братств стояли старейшины и три их помощника; во главе общин („церквей“) — „папы“. Еретики созывали даже свои соборы (например, в 1167 г. в Сан-Фелис).

Тот факт, что „богомилы объединялись в братства и общины по примеру ранних христиан“¹, еще раз показывает, что Д. Ангелов допустил переоценку роли „языческого образа мыслей“ в зарождении богомильства. Это была все-таки средневековая христианская ересь. С ранним христианством богомильство сближает и чрезвычайная простота обряда (не было ни пышного убранства и облачения, ни торжественных литургий, а только общая молитва с преломлением хлеба, общая исповедь и проповедь совершенных), потребительский коммунизм и принцип взаимопомощи в общинах. Демократизм богомилов, принимавших в свою общину всех, независимо от классовой принадлежности, также напоминает нравы ранних христиан.

Говоря о разделении богомилов на три категории — совершенных, верующих и слушателей, Д. Ангелов не ограничивается обычным указанием на различие их обязанностей в общине, но исследует их имущественное положение. Совершенные, отказавшиеся от своего имущества в пользу общины, проповедовали богомильское учение и наставляли верующих и слушателей, которые, сохраняя свое имущество, занимались обработкой земли, принадлежащей как лично им, так и всей общине. Продукты с общественных земель поступали в общую кассу. Таким образом, вопрос о социальном составе еретиков и их отношении к труду приобретает большую полноту и конкретность. Попутно получает объяснение противоречие, имеющееся в „Беседе“ пресвитера Козьмы, который то обвиняет богомилов в ленисти, то утверждает, что они работают даже по воскресеньям. „Для них, — пишет Д. Ангелов, — не было ничего более постыдного, чем человек, который живет для себя, заботится лишь о собственном спасении и не занимается никаким трудом“².

Какая-то часть вопроса о внутренней организации и жизни богомильских

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 79.

² Там же, стр. 87.

общин, болгарский ученый отмечает, что „богомильские братства не имели возможности осуществить свою широко задуманную программу“. Они „находились в тяжелых условиях, подвергались преследованиям и не в состоянии были осуществлять все свои творческие замыслы и стремления“¹.

Сильной стороной исследования Д. Ангелова является то, что он подробно и тщательно прослеживает историческую эволюцию богомильской ереси в тесной связи с социально-экономическими и политическими изменениями в Болгарии. В отличие от своих предшественников автор отказался от точки зрения на богомилство как на застывшее религиозное учение. Для него это живое, многообразное оппозиционное течение, тесно связанное с жизнью самой Болгарии, постоянно и чутко на нее реагирующее. То, что раньше считалось противоречиями этого учения, или относилось на счет плохого состояния источников, теперь дает возможность исследователю показать развитие богомилства и вскрыть, как на учении „еретиков“ отразились и их социальная неоднородность и исторические сдвиги.

Этому основному тезису подчинена композиция VI главы, названной „Распространение богомилства на территории Болгарии“. Такое заглавие не соответствует, на наш взгляд, ее содержанию, так как в ней рассматривается, собственно, история и характер богомильского движения в Болгарии в различные исторические периоды (Первое Болгарское царство, эпоха византийского ига, Второе Болгарское царство). В каждом разделе этой главы дается социально-экономическая и политическая характеристика определенного периода и на основании ее рассматривается история и основные особенности богомильского движения в данную эпоху. „В те времена, когда богомилы выступали против царя Петра..., они категорически отказывались признать социальный строй современной им Болгарии, а равно и весь церковный институт. Богомилы обличали царя, бояр и старейшин, подстрекали рабов к неповиновению — словом, были выразителями стихийного классового недовольства в рамках однородного в национальном отношении государства... Новая обстановка заставила болгарский народ осознать свое единство и направить усилия на устранение не только социально-экономического гнета, но и тех политических и духовных цепей, которые налагала на него насильственная эллинизация“. „В результате богомилство все более приобрело черты национального движения, протеста против господства чужеземцев“². „Богомилство было уже не только социальным протестом, облеченным в религиозную форму, как это было прежде, во времена царя Петра, теперь в нем находили выражение и национальные элементы, своего рода „национальная гордость“, источником которой служила память о прошлом болгарского народа, о былой независимости болгарского царства“³.

Надо отметить как положительный момент, что Ангелов всегда указывает на связь богомилства с более широкими народными движениями. В этом и заключалась сила богомилов, что они не замыкались в своей секте. Ни одно из антивизантийских выступлений того времени не обошлось, по мнению Д. Ангелова, без участия богомилов — восстание Петра Деляна (1040 г.), Леки и Добромира (1079 г.), Георгия Войтеха (1072 г.). Жестокое преследование со стороны властей не могли

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, стр. 90—91.

² Там же, стр. 107—108.

³ Там же, стр. 110—111.

уничтожить богомилов, которые лишь на время сокращали свою активность.

К сожалению, не все периоды истории богомилов разработаны автором в равной степени. Период Второго Болгарского царства невыгодно отличается в этом отношении от византийского периода. Некоторые проблемы здесь остаются неясными, а выводы автора иногда кажутся недостаточно аргументированными. Неубедительным выглядит, например, отрицательное решение вопроса об участии богомилов в восстании Петра и Асеня. Не до конца объяснен также характер отношения богомилов к Калояну. Едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что богомилов могла удовлетворить уния с католической церковью. Если бы они были только против православия, а не против официальной христианской церкви вообще, то на Западе не могли бы так широко распространиться ереси, догматика которых была близка к богомильской (патарены, катары). Хотелось бы узнать также, чем объясняет автор терпимость Ивана Асеня II по отношению к богомилам, и почему богомилы утратили связь с народом, а „боевое оружие богомильства притупилось, богомильство превратилось в чисто сектантское движение, носившее религиозный характер“¹, почему богомилы не принимали участия в восстании Ивайла.

Этот интересный и сложный процесс вырождения богомильства намечен у Д. Ангелова, к сожалению, довольно схематично. А хорошо было бы подробнее остановиться и на характере болгарского феодализма в то время и на конкретных проявлениях оппозиции угнетенных классов.

В конце XIII в. богомильское движение приобретает совершенно новый характер. Теперь его можно сравнить только с тем течением византийского богомильства, которое возникло в середине XII в. и было распространено преимущественно в церковной и монастырской среде (представители этого течения: Константин Хрисомал, епископы Климент и Лев, монах Нифонт). Установление различных течений в богомильском движении позволило Д. Ангелову правильно разрешить запутанный вопрос о характере этой ереси, которая до настоящего времени трактовалась очень односторонне: или как мистико-созерцательное или как боевое антифеодалное движение. Сам Ангелов отмечает, что „этому чрезвычайно важному различию между отдельными течениями богомильства до настоящего времени не придавали должного значения“².

В XIV в. богомильство продолжает вырождаться, превращаясь из широкого народного движения в религиозно-мистическую секту, что свидетельствовало о распространении упадочнических настроений среди населения, обессиленного бесконечными войнами и экономической разрухой. Более простое и понятное, чем исихазм, но по духу близкое ему, такое мистическое богомильское учение вновь проникает в монастыри; в народе же оно нашло мало приверженцев. Изменились и формы борьбы правительства с ересью. В период турецкого ига богомильство совсем исчезает.

Мастерское владение техникой исторического исследования проявляется у Д. Ангелова в том, что он умеет привлечь самые разнообразные источники, в том числе, казалось бы, не содержащие никаких сведений о богомилах, подметить в них мельчайшие штрихи, которые

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 143.

² Там же, стр. 126.

заставляют нас по-новому увидеть и оценить известные уже факты. Под пером Д. Ангелова история богомилства, особенно ранних периодов, одевается в плоть и кровь, становится очень выпуклой и ясной для читателя. Так, Д. Ангелов не ограничивается, как это делалось обычно, датировкой возникновения богомилской ереси, но очень удачно уточняет место ее возникновения путем использования сведений о восстаниях против царя Петра (стр. 89—99). Определяя социальный состав еретиков, Ангелов констатирует, что „богомилское движение в начальной стадии своего существования было тесно связано с тем недовольством, которое возникло внутри клира и которое было обусловлено существовавшей в его среде резкой социальной дифференциацией“¹. В дальнейшем ряды еретиков пополнялись за счет свободных или уже закрепощенных крестьян, полусвободных батраков, рабов, а также малоимущего городского населения. В более поздние века богомилство распространилось в монашеской среде. Д. Ангелову удалось раскрыть всю сложность социального состава участников богомилского движения, в котором на разных этапах ведущую роль играли представители различных сословий (то крестьянства, то городских масс, то духовенства).

В упрек автору можно поставить только то, что он не изучает последовательно, чем определяется ведущая роль той или иной группировки в различные исторические моменты (за исключением последнего этапа, когда во главе движения оказалось духовенство), и не прослеживает связи между социальным происхождением еретиков и их ролью в богомилской общине (верующие, совершенные). Некоторое недоумение вызывает отношение автора к участию городского населения в богомилской ереси: „Все это показывает, что несмотря на свой массовый, первоначально крестьянский характер, присущий многим средневековым ересям, богомилство зарождалось и развивалось преимущественно в городах, причем в самых крупных и значительных из них“².

Все доводы Д. Ангелова в пользу того, что в городе была более удобная почва для распространения учения и организации богомилов, не кажутся, однако, достаточно обоснованными, тем более, что в книге совершенно не показан болгарский средневековый город. Справедливо только то, что город не мог оставаться в стороне от широкого богомилского движения и что требуется еще более дифференцированный подход к изучению отдельных течений внутри богомилства, которое остается в своей основе крестьянской ересью. Да и сам Д. Ангелов в других местах книги (например, стр. 101), как и в более поздней статье „Философские взгляды богомилов“, дает правильную оценку богомилства как крестьянского антифеодального движения, которое еще в начальной стадии своего существования перестало быть сектой и превратилось „в мощное движение, проникавшее повсюду, привлекавшее к себе всех униженных и угнетенных“.

Идеология богомилов рассматривается Д. Ангеловым как в главе III рецензируемого труда, так и в специальной статье, приложенной к русскому изданию его книги. Эта статья, в которой философское учение богомилов освещается более глубоко и полно, обнаруживает эволюцию взглядов автора. Д. Ангелов не ограничивается простым изложением идеологии богомилов, но разбирает вопрос о генезисе и причинах возникновения тех или иных взглядов „еретиков“ (стр. 173 и др.).

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии, стр. 100.

² Там же, стр. 131.

За образной формой притч и легенд, в которую богомилы облекали свое учение, автор распознает особенности, составляющие его сущность (идеалистический и метафизический характер взглядов богомилов, их агностицизм и т. п.).

Очень интересна мысль Д. Ангелова о том, что взгляды богомилов на природу и человека не являются полностью заимствованными из учения других гностических сект, но что в них содержатся новые и оригинальные представления, которые „свидетельствуют о непосредственной связи богомильства с окружающей их действительностью, об обусловленности его общественно-экономическим положением болгарского народа, о связи богомильства с народными верованиями, фольклором и т. д.“¹.

Автор подчеркивает также классовый характер философии богомилов, выразившийся в первую очередь в ее дуализме, согласно которому весь видимый мир, феодальное общество с его делением на эксплуататоров и эксплуатируемых есть порождение злого духа — Сатаны. Вера же в конечную победу добра говорит об оптимизме богомилов, поддерживавшем угнетенных в их борьбе.

Д. Ангелов четко выделяет в учении богомилов те передовые, оппозиционные элементы, которые представляли опасность для господствующего класса и придавали боевой, антиклерикальный характер этой секте. Этико-философские и социальные взгляды богомилов „выражали накопившуюся в народе ненависть к богатым и обеспеченным представителям класса феодалов, подобного рода идеи революционизировали угнетенные массы и побуждали их к борьбе против этого класса“². Именно эта сторона учения и деятельности богомилов имела такое положительное значение в истории Болгарии. Аскетизм же их представлял собой „бесплодную, реакционную сторону богомильского учения“³.

В целом книга Д. Ангелова представляет ценный вклад в литературу о богомильстве. Автор совершенно по-новому поставил и разрешил вопрос об объективно революционной роли богомильской ереси. Сильной стороной работы Д. Ангелова следует признать принцип историзма в подходе к богомильству. Очень выгодно отличает Д. Ангелова от предшествующих исследователей и то, что он не ограничивается констатацией противоречий в учении богомилов, но ищет объяснения им в сложном социальном составе „еретиков“, выражавших стремления различных слоев населения, и в изменении исторических условий. Достоинством автора является и умение выделить в гностическом учении богомилов антифеодальные тенденции, имевшие действительное влияние на широкие массы болгарского народа. Несмотря на отдельные недостатки, можно утверждать, что перед нами серьезный марксистский научный труд. Обширная тема истории богомилов в Болгарии, как это показывает и сам факт опубликования Д. Ангеловым статьи „Философские взгляды богомилов“, развивающей и дополняющей соответствующие разделы книги, не может еще считаться исчерпанной. Все еще остаются вопросы, ждущие дальнейшего исследования (в частности, о богомильском движении в период Второго Болгарского царства). В заключение хочется высказать пожелание, чтобы все статьи проф. Д. Ангелова, посвященные вопросам богомильства в Болгарии, при следующем издании книги слились с ней в единое целое.

Т. М. Соколова

¹ Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии, стр. 187.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 201.